Владимир Фомичев

Человек и история

книга третья

Начало трудовой деятельности:

уральская шахта - смоленский карьер - асфальтобетонный завод на колесах

Владимир Фомичев

Человек и история. Книга третья. Начало трудовой деятельности

Серия «Человек и история», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11008400
Человек и история. Книга третья. Начало трудовой деятельности / Владимир Фомичев: Copyright Vladimir Fomichev;

Аннотация

В книге рассказывается о начале трудовой деятельности главного героя – горным инженером на шахте Северного Урала, затем в песчаном карьере на Смоленщине, и наконец работа в передвижном асфальтобетонном заводе Московской железной дороги.

Пассионарный характер личности автора толкает его к постоянному поиску новых знаний и сфер приложения своих возможностей.

Книга адресуется людям старшего поколения

Содержание

Глава 1. Работа 6
Глава 2. О Бородатом 9
Глава 3. Старый знакомец 16
Глава 4. Внедрение 22
Глава 5. Культуру – в массы! 27
Глава 6. Подготовка и проведение 32
Глава 7. И горькое, и солёное 40
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Владимир Фомичев
Человек и история
Книга третья
Начало трудовой деятельности: уральская шахта – смоленский карьер – асфальтобетонный завод на колесах
Жанр: мемуары

Меня совсем не беспокоит, Куда поехать и пойти: Секреты жизнь сама откроет В уютном доме и в пути. Искал я мудрость в книгах толстых, В их многотомных погребах… Так время шло, бежали вёрсты С усмешкой хитрой на губах: Не там, мол, ищешь тайны вечной. Так скажем, если не простак – Палач, как мастер дел заплечных, её откроет просто так!

***

Глава 1. Работа

Как молодой специалист по подземной разработке угольных месторождений, я получил направление прямиком в подземелье. Разумеется, подземелье – это не океан с его романтикой, с синим гюйсом или под чёрным флагом джентльмена удачи, а также не голубое небо и место командира лайнера. Подземелье – это чёрное, пыльное и в то же время сырое место с гремучим газом метаном, локальными землетрясениями, называемыми горными ударами, вызывающими обвалы, и многие другие неприятные неожиданности.

В утешение можно сказать, что подобного «романтизма» у шахтёров, лётчиков и моряков весьма предостаточно, если не сказать в изобилии.

Начал я свою карьеру на шахте «Капитальная-2». Правда, я полюбопытствовал у местных: а где находится первая «Капитальная»? На что мне резонно заметили, что лучше бы этого не знать. Оказалось, что на этой шахте, которая находится в Воркуте, произошёл взрыв метана, причём в самую многолюдную пересмену! В результате ДОК комбината несколько дней сколачивал гробы – а их понадобились горы!

«Для начала очень даже впечатляет!» – подумал я и пошёл работать десятником на участок вентиляции по воле главного инженера шахты Петра Ивановича Куватова, резонно считавшего, что именно с этого и нужно начинать постижение

горного дела на практике.

Три месяца я измерял интерферометром состав воздушной смеси, а анемометром – скорость вентиляционной струи, и заодно хорошо ознакомился с многокилометровым лабиринтом подземных горных выработок. Они располагались от центрального ствола шахты на юг и на север по 3 км на глубине 1000 м. Добыча угля шла сразу на трёх горизонтах, на крутопадающих пластах, под 60 градусов.

Это только место, площадка, на которой разыгрываются драмы, комедии и даже трагедии с участием моих героев (а они и в самом деле герои). Так что технической конкретики будет самый минимум.

Я работал начальником смены на участке, где добывают уголь. Горно-геологические условия не позволяли сколько-нибудь применить технику, кроме испытанного ОМСП, широко известного всем, кто долбил асфальт, мёрзлую землю и прочее.

Так вот, на одном из этих уступов работали два забойщика с редким сочетанием фамилий – Белоус и Бородатый. Разумеется, ни у кого из них ни усов, ни тем более бороды не было – не промоешь! Белоус был сухощав, но жилист, и славился лучшим крепильщиком. Бородатый был моложе, но мощнее и с очень сильными руками. Отбойный молоток он мог держать в одной вытянутой руке и рубить уголь с такой лёгкостью, что, казалось, это не доставляет ему никакого труда. Если пара неслабых забойщиков делала «уступ» за смену, то

эта парочка – два! А так как уголь смены шёл в «общий котёл», то часто возникали недоразумения.

Как-то раз я вышел со второй смены, помылся, зашёл в нарядную, чтобы написать отчёт за смену. Все уже разошлись, и только Александр Бородатый, удобно усевшись, курил. Когда я закончил отчёт и уже собирался уходить, он спросил:

– Ты теперь, горный, куда?

– К себе, а куда же ещё?

– Можно ко мне домой.

– Ну, ты скажешь! Время-то…

***

Глава 2. О Бородатом

– А что время? Ты послухай сюда: у тебя бабы нет – значит, и еды, как для мужика, стало быть, тоже нет. А вот у меня дома это всё имеется. Потом, если я один домой приду, то мне Галя в лучшем случае стакан нальёт и всё. А если я завалюсь с гостем…

– Ага, получим по балде вместе!

– Ничуть не бывало! Ты Галю не знаешь! Ну ладно – пойдём.

И мы пошли. Время действительно было позднее. Транспорт в посёлке был только эксклюзивный. Редкие фонари давали такой же редкий свет. Однако, как тут шутили, ботинки домой сами доведут.

И действительно, вскоре мы были у дома Александра. Этот дом – не какая-нибудь там многоэтажная махина, а одноэтажный барак на несколько квартир, деревянный, тёмно-коричневого цвета (а в ночных сумерках – так и совсем чёрного). Дверь распахнулась, только мы подошли к ней, и не удивительно: жена шахтёра, как и рыбачка, с тревогой ждёт своего супруга и всегда готова встретить, приветить и, конечно, накормить. Галя, увидев мужа, да ещё с гостем, искренне обрадовалась: гость в доме – праздник!

– Это наш «горный», – сказал Александр.

– Так это все знают… проходите!

И действительно, здесь все знали всё. Иначе нельзя. Момент – и мы уже сидели за столом. Если вид этих бараков снаружи был очень непрезентабельный, то здесь, «у Гали» – просто поражала высота возможного комфорта и уюта! На белом или кремовом фоне всевозможных занавесок, штор, накидок, салфеток и скатерти были вышиты представители флоры и фауны – этакое пиршество «прикладного искусства». Да и сама хозяйка была одета не в «ширпотреб».

– За нашего дорогого гостя! Будь здоров! – выпили не чокаясь (не принято).

Хозяйка участия в трапезе не принимала – сидела, опершись рукой о край стола, и внимательно наблюдала за мужиками, за их, казалось, неистребимым аппетитом. И это, по-видимому, ей очень нравилось.

– А ты давно располагаешься в этих хоромах? – полюбопытствовал я.

– Да сразу как женился – годков пять уже будет, наверно.

– Расскажи, как женился, – я разомлел, и захотелось поговорить.

– Да ничего особенного. Я тогда жил в общежитии вдвоём с приятелем, собирался в отпуск на батькивщину. Друг – то ли в шутку, то ли всерьёз – возьми и попроси: «А привези-ка ты мне хохлушку! Они, говорят, хорошо борщи варят».

Когда я уже под материнским оком обжирался этими борщами и галушками, то рассказал о просьбе приятеля, на что мать тут же оживилась: «А ты отвези ему Галю – она девка

хорошая и родня нам, хотя очень дальняя». Я, честно говоря, забыл этот разговор – не до того было в родной хате. Однако, когда меня погружали на телегу вместе со всевозможной и обильной снедью, чтобы отвезти на станцию (так как отпуск не «резиновый»), я вдруг обнаружил, что на телеге устраивается вместе с объёмным сундуком и с узелком довольно юная девица. На мой немой вопрос мать тут же затараторила: это же Галя, которую твой друг просил… Тут уж мне ничего не оставалось делать.

Дорога была длинная, и я за это время успел приглядеться к дивчине. Едет из дома – нигде ещё не бывала, – от родненькой мамочки, из благоприятных мест в край суровый. И главное, она ничего не боится или вида не показывает. Тут зауважаешь! Правда, такое поведение можно было объяснить: ребят из деревни брали в армию, а обратно они уже не возвращались. Девчата подрастали, да ещё какие – красавицы! Так что, как говорится, выбора не было.

О том, что мой приятель в больнице, мне сообщили сразу же, как только я появился в общежитии: «Твоего Николая немного помяло в шахте…»

Я показал Гале кровать Николая, зашёл в магазин и отправился в больницу. Николай лежал весь забинтованный и загипсованный. Одна нога его была вытянута и поднята на спинку кровати. Я поздоровался и стал расспрашивать, как его угораздило. Уходя, я сказал:

– А я тебе, Микола, привёз то, что ты просил!

– А-а, горилку с салом! Это само собой…

– А что хохлушку просил – забыл?

– А что – в самом деле привёз? Не знаю, что и делать… ты же видишь, Сашок, что я теперь никакой и впереди всё неопределённо. Так что прости, друг, придумай что-нибудь…

Когда я вернулся в общежитие, то, несмотря на угнетённое настроение от посещения больницы, я был приятно удивлён: как преобразилась кровать Николая! Какой-то невидимый свет озарил этот угол комнаты. Да и сама Галя была наряжена так, что я представил, что очутился на миг в родной хате. Когда это очарование прошло, я рассказал Гале про наше несчастье. Она всё выслушала молча и спокойно.

Но это не было спокойствие от равнодушия, что меня несказанно обрадовало: есть сердце у девочки! А ещё я подумал, что моему другу нет никакого дела до неё, как, впрочем, и ей до него. И с меня свалился какой-то груз ответственности, но тут же навалился другой, который мне сразу же показался очень приятным. На другой же день мы «зарегистрировали брак» – как говорят, «расписались».

Свидетельство о «браке» я предъявил в «жилконтору», место в семейном бараке было – и вот так мы здесь стали жить. Деньги у меня на обзаведение имелись, так что трудностей никаких у нас не было. Было, правда, небольшое недоразумение, больше похожее даже на анекдот. Эта моя женитьба произошла буквально за считанные дни, так что о

своей молодице я ничего, собственно, не знал. Все деньги, как это и полагается у шахтёров, я отдал теперь уже своей хозяйке и, уходя на работу, попросил приготовить что-нибудь вкусненькое.

На работе о моей женитьбе уже все знали, так что поглумились надо мной всласть! И всё же это грубое внимание было мне приятнее, чем лицемерное сюсюканье.

– Сашок, барак, в который тебя поселили, не очень старый?

– Да такой малый и новый развалит!

– Ничего, Санёк, придёшь со смены сегодня, а на столе борщ с мясом, ложкой не повернёшь, галушки со сметаной – баба ж у тебя с Хохляндии, кажется, а, Сашок?

– Это ладно! Ты её сразу к порядку приучай: чтобы к обеду всегда стакан наливала! Скажи ей, чтобы пыль промыть после работы.

– Гы-ы!

Но если бы мои «поздравители» узнали, какой «стол» ожидал меня дома, то мне пришлось бы менять не только шахту…

Ассортимент всех кондитерских изделий, которые только нашлись в магазинах посёлка, наличествовал на всём пространстве стола, правда, разложено всё было очень красиво. Голод не тётка – поел. Галя – очевидно, не дождавшись от меня того восторга, на который рассчитывала, – немного смутилась. Чтобы сгладить неловкость, я расхвалил её ста-

рания и спросил с надеждой и с долей тревоги: «Слушай, Галя, а вот ты смогла бы борщ сварить?» На что Галя ответила с долей презрения: «Тю! Так то ж деревенская еда, чего там уметь! Конечно, могу!»

У меня потеплело на душе: «Так ты сваришь завтра?» Галя ничего не ответила. Проснулся я от такого родного запаха, что даже подумал: не у мамы ли я ещё?

За обедом я рассказал о «пожеланиях», которые получил на работе, упомянул даже о водке для «промывки». Как же я удивился, когда, придя с работы, увидел на столе бутылку! Я, конечно, поделился этим на работе с мужиками. Лучше бы я этого не делал! Они привели мой пример своим бабам – и те приступили к Гале, прихватив её в магазине за очередной покупкой бутылки.

Они быстро выяснили, в чём тут дело, и очень энергично вразумили мою хозяйку. Всё же я оказался Гале родней, и она, чтобы не раздражать общественность, стала ездить за бутылками в ближайший городок, а я перестал хвастаться на работе. Теперь, когда ездим в отпуск, помимо всякой снеди берём больше горилки, тем более что она значительно приятнее здешней водки.

– А ты, наверное, и не заметил, что пьёшь?

И только тут я обратил внимание, что на столе действительно стояла бутылка «горилки» – кстати, уже вторая.

Было уже неприлично поздно, и пора было прощаться.

Перед уходом я спросил насчёт детей – об их наличии.

– А то как же! – оживилось семейство Бородатого. – У нас их двое: Вовка и Егорка. И оба одного года рождения.

– Близнецы, стало быть?

– Да ни в коем разе! Было начало января, когда появился Егорка. Гале в роддоме вложили в уши, что пока кормишь грудью, то можно не опасаться зачатия нового. Может, оно и так у других, но у нас всё получилось наоборот: мы к концу этого же года принесли из роддома Вовку. Да это очень даже хорошо! Растут вдвоём, дерутся молча, но стоит их только расставить за это по углам – начинают так выть, не приведи господь!

– А почему вы им такие имена выбрали?

– Так я же Александр Егорович, а хозяйку зовут Галина Владимировна.

Я горячо поблагодарил счастливое семейство за обед, какого я и дома никогда не ел, за уют, сердечность и доброту. Сколько времени уже прошло, многое выветрилось из памяти, а этот ночной обед, эти красивые люди, этот оазис доброты и уюта – всё ярко и свежо.

***

Глава 3. Старый знакомец

Когда я отпирал свою дверь, уборщица, проходя мимо, сказала:

– К вам подселили командированного – временно, конечно.

– Все мы здесь временно, в этом тленном мире, – проворчал я, закрывая за собой дверь.

В комнате никого не оказалось – никакого командированного, даже временного. Так прошло несколько дней. Однажды, вернувшись с работы, я увидел на столе толстую папку, на титульном листе которой красовался – о-о, старый знакомец! – угольный комбайн, по виду именно тот, с которым я познакомился ещё в лаборатории, а затем на производственной практике.

Я стал изучать техническую характеристику комбайна. Эта была знакомая мне базовая модель, но модернизированная для крутопадающих пластов. Увлёкшись, я даже не услышал, как вошёл «временный командированный».

– Я смотрю, вы интересуетесь техникой? – и, протянув руку, отрекомендовался: – Виталий.

Познакомились, разговорились. Виталий оказался работником конструкторского бюро Донецкого машиностроительного завода, где производились горные машины, в частности комбайны.

Один экземпляр такого комбайна и привёз Виталий сюда, на Северный Урал, для внедрения в производство, то есть для механизированной добычи угля.

– Что-то я ничего не слышал об этом, – сказал я Виталию.

– Дело в том, что я привёз этот комбайн на шахту № 4, а на вашу шахту запланирован комбайн другой модели.

– И когда поступит к нам это сокровище?

– Трудно сказать, – вздохнул Виталий, – около месяца прошло, как я привёз комбайн, а он до сих пор стоит на шахтном дворе без движения, как брошенный, а тут морозы с каждым днём сатанеют. За механическую часть я не беспокоюсь, а вот электрическая – трудно сказать. Мы её не рассчитывали на рубку льда в Арктике или Антарктике, при таких морозах.

– Но к нам-то когда поступит этот «красавчик» модернизированный? Виталий немного смутился:

– Мы планировали, что я очень быстро внедрю комбайн на шахте № 4, переберусь на шахту «Капитальная-2», и на мой запрос тут же вышлют комбайн для вас. А так как этот вариант пока не сработал и неизвестно, сработает ли в ближайшее время, то перспектива присылки комбайна на эту шахту пока откладывается, если не отложится совсем.

Тут уж возмутился я:

– Как это – «совсем отложится»? А при чём тут мы? Запланировали нам комбайн – извольте нам его и прислать! А уж мы тут «тянуть резину» не будем.

Мы выпили ещё по стаканчику. Виталий заметно погрустнел.

– Понимаешь, мне здесь так обрыдло всё, что если бы не эта канитель, я бы пешком по шпалам побежал домой.

– Слушай, Виталий, – попытался я его утешить, – а ты смог бы этот комбайн с шахты № 4 переоформить на нашу шахту «Капитальная-2»?

Виталий мгновенно протрезвел и с какой-то неистовой надеждой посмотрел на меня:

– Ну, это дело плёвое! А что?

– Пока ничего – во всяком случае, до завтра.

На шахте № 4 я когда-то проходил преддипломную практику. Впрочем, было это совсем недавно. Прошло, может, чуть более года. Да и работал я там не в очистных забоях, а на проходке наклонного ствола, так называемого уклона. В этом забое предпочтительнее было бы работать амфибиям – настолько он был сыр, мягко выражаясь. Вода лилась со всех сторон: сверху, снизу и неизвестно ещё откуда. Верхняя спецодежда была прорезиненная. В ней было очень трудно идти по поверхности до ствола, до рабочего места. В самом забое от воды эта защита почти не срабатывала, то есть была совершенно бесполезной. Так что, несмотря на хорошие заработки, охотников работать в тех условиях было немного. Скорее всего, поэтому мне, как практиканту, и предложили этот «Клондайк».

Практика уже подходила к концу, когда при высадке из

клети меня сильно тряхнуло электрическим током и я соскользнул в забой. Хорошо, что он был заполнен водой, и это смягчило моё падение. Я согласился, по просьбе бригады, оформить травму как бытовую, чтобы не портить «показатели», которые могли сильно повлиять на заработки. От постоянной работы в ледяной воде к травме присоединилась сильная простуда. Так что от пребывания на преддипломной практике у меня осталось двоякое впечатление.

На другой день, после разговора с Виталием, конструктором и «внедрителем» комбайна, я явился в кабинет главного инженера Куватова.

– Поговорить надо, Пётр Иванович.

– Говори, я слушаю.

Я начал.

– У меня на участке три лавы.

– Это мне известно.

– Первый пласт, самый мощный, разрабатывается камерным способом только при помощи аммонита. Второй пласт – при помощи врубовой машины и того же аммонита. Третий пласт разрабатывается уступами и в основном отбойными молотками, отчего эта лава и называется молотковой.

Главный инженер нетерпеливо поблагодарил:

– Спасибо за экскурсию! Теперь буду знать.

Я пропустил мимо ушей эту язвительность и продолжал:

– Так вот, Пётр Иванович: почему бы нам эту лаву не сделать комбайновой?

– А отчего ж? Конечно, можно, особенно при наличии такой малости, как комбайн, полное отсутствие которого нам гарантирует горное машиностроение.

Тут Куватов посмотрел на часы. Я предупредил его нетерпение:

– А вот и не так, Пётр Иванович!

И прояснил ситуацию вчерашним разговором с Виталием. Все знали, что главный инженер Куватов, несмотря на свой возраст, раннюю седину, постоянные стрессы (работа такая), был человек «заводной» и поощрял новаторство, если только оно не выходило за рамки разумного.

– Хорошо, я подумаю, – ответил на мой монолог Пётр Иванович.

– Думать надо, – согласился я. – Но как бы на шахте № 4, спохватившись…

– Ладно, ладно, – перебил меня Пётр Иванович. – Иди отдыхай.

Утром резко ударил по нервам телефонный звонок. Голос Куватова кратко проинформировал: машина, кран, бригада монтажников – готовы.

Я кивнул насторожившемуся Виталию: всё в порядке, всё готово. Можно ехать за комбайном.

Вечером я полюбопытствовал у Виталия:

– Там не препятствовали, когда ты забирал комбайн?

– Да нет. Только сторож спросил: куда забираете? На что я ответил: на металлолом. – И, немного помолчав, добавил:

– Уныло как-то там.

***

Глава 4. Внедрение

Прав был Виталий, когда заметил, что на шахте № 4 уныло. Во всяком случае, так отнеслись к технике – к его комбайну. Каков же был контраст на шахте «Капитальная-2» – здесь Виталий со своим комбайном оказались в центре постоянного внимания! Виталию приходилось отвечать на многочисленные вопросы, что его очень радовало. Он даже перестал плаксиво вспоминать о своём доме, куда ещё так недавно рвался.

Электромехаником на нашем участке был молодой специалист Юра – такой огненно-рыжий, что все шутили: «От тебя прикуривать можно!».

– В шахте курить запрещено! – отмахивался Юра.

Он, как говорится, обеими руками вцепился в этот комбайн. Лучшие монтажники шахты бережно, словно пушинку или хрустальную посудину, доставили многотонную махину на вентиляционный штрек лавы, где комбайну предстояло показать себя во всей красе своей технической мощи.

Было воскресенье, день повышенной добычи (ДПД). Такие дни очень поощрялись, поскольку стране нужно было очень много угля и шахты угольного треста или бассейна не всегда могли удовлетворить потребности промышленности, а также котельных для отопления жилых домов. Когда я, экипированный для спуска в шахту, выходил из общей на-

рядной, то услышал много пожеланий, большинство которых было с подначкой: «Ты смотри шахту не завали!». На что я мстительно ответил: «За шахту не бойтесь, а вот углём завалю!»

Конструктора Виталия я в шахту не взял («Зачем тебе там пылиться?). Посадил его в нарядной возле телефона: если что понадобится – я позвоню.

Куватов тоже напутствовал: «Постоянно информируй меня!».

Внутренне я был весь в напряжении, но внешне, как мне казалось, это было совсем незаметно. Всё было готово: лес для крепления, необходимый инструмент под рукой. В бригаде чувствовалось с трудом скрываемое волнение. Для разрядки кто-то спросил:

– А что, теперь нас на другие участки переведут, раз тут комбайн работать будет?

Я успокоил:

– Как бы из других участков сюда людей не пришлось брать! Тут уж бригада хором поддержала:

– Не-не-не, сюда других не надо, сами справимся!

Мы быстро спустили комбайн на «ножку» – верхнюю часть лавы. Я взял в руки пульт, приказав всем оставаться на штреке. С собой взял механика Юрия и Асанова – самого лучшего машиниста врубовой машины, который когда-то был знаком с подобным типом комбайна.

Асанов спросил:

– А ведь эта лава уступами… А для комбайна нужен прямой забой. Надо уступы было бы срубить, лаву выровнять…

– Вот этим, Асанчик, мы сейчас и займёмся с тобой, – ласково утешил я будущего машиниста комбайна.

Я спустил комбайн под первый уступ, завёл его под перекрышу. Всё это делал посредством лебёдки, которая была закреплена на вентиляционном штреке. Потом я нажал кнопку, чтобы включить мотор. Электродвигатель не включился. Я ещё сильнее утопил кнопку – тишина. Юрий всё понял, метнулся на вентиляционный штрек. «Мухой» вернулся обратно. «Фидер» был заблокирован. Я снова нажал кнопку – мотор, взвизгнув, заработал на малых оборотах. Я включил бар – тот вхолостую шумно завертелся. Включил малую «подачу» – и бар с шелестом вгрызся в угольный пласт. Я довёл подачу до «максимальной» и очень быстро снял стружку с первого уступа. Дело пошло!

Механика Юрия, вместе с его ребятами-слесарями, я за ненадобностью отправил на штрек – следить за лебёдкой и электроснабжением. С собой оставил только Асанова, который с восхищением следил за работой этого красавца-комбайна. Бригада быстро и своевременно передвигала костры, пробивала органный щит. Всё шло слаженно, как после долгих репетиций, тренировок, хотя ни того, ни другого и в помине не было, а всё было очень ново и непривычно. Не прошло и полсмены, как лава была выровнена. Асанов в восхищении сказал:

– Молотками так не выровнять!

Я загнал комбайн под перекрышу кармана и теперь лихо прорубил всю лаву полностью. Спустили комбайн, завели его опять под перекрышу, передвинули крепления. Протянув пульт Асанову, я спросил:

– Ну что, теперь справишься сам?

– Справлюсь, справлюсь, – радостно затараторил тот, – я всё понял. Какая могучая машина!

Спустившись на откаточный штрек, я позвонил Куватову:

– Докладываю, Пётр Иванович: всё прошло даже очень удачно.!

Куватов, еле сдерживая волнение, ответил:

– Я уже и так понял, что всё идёт нормально. Свой скип на выдачу перегрузили. Теперь направили ваш уголёк на центральный скип. Ты действительно сегодня завалил углём! Остановись на сегодня. Выводи бригаду, выезжай сам.

Я поднялся по лаве. Вентиляционная струя очистила её от пыли. Лава была закреплена. Пахло свежей древесиной. Я объявил конец смены, и все – уставшие, но очень довольные – потянулись из лавы на откаточный штрек, где, весело переругиваясь, стали усаживаться в оборудованные для перевозки людей вагонетки. Чувствовалась организованная помощь главного инженера.

Как организованно поработали, так же организованно и получили премиальные, которые для нашего участка были в два, а то и в три раза больше, чем на других участках, по-

скольку и угля мы выдали кратно больше. Конструктор Виталий очень скоро отбыл к себе домой, но не пошёл по шпалам, а поехал в мягком вагоне, к тому же с приличной суммой денег.

***

Глава 5. Культуру – в массы!

Мне выдали из жилищного фонда ИТР ордер на квартиру. О такой роскоши я даже не мечтал! Это было двухкомнатное, малогабаритное и, что самое главное, отдельное жилище. Деньги в мои карманы лились потоком. Я купил себе телевизор «Радий», музыкальный центр «Урал», роскошный раскладной диван и многое другое, необходимое для нормального быта. Сразу же поставили телефон, который стал рвать мне нервы в любое время суток своим резким, как циркулярная пила, звонком. Комсомольское собрание выбрало меня в комитет комсомола, где мне определили сектор культурно-массовой работы. Когда я переспросил, почему не производственный, мне нагло заметили: «А ты и так им занимаешься, на работе». Николай Ветошкин, секретарь комитета комсомола шахты, был членом горкома комсомола, где одним из секретарей работал Пьянков. Скорее всего, именно последний посоветовал Ветошкину загрузить меня культурно-массовой работой. В жизни в то время я во многом шёл по стопам Пьянкова. Заочно закончил в университете отделение по художественному чтению, также заочно учился на режиссёрском отделении. Одним из требований обучения были практические занятия по профилю. Помимо работы в шахте и сна у меня ещё оставалось какое-то свободное время. Вот его я и решил использовать для режиссёрской прак-

тики. Тут как раз совпало: культурно-массовый сектор и режиссёрская практика. Нужно было только определить приложение сил: где, когда, на чём и как.

Имея теперь отдельное жильё, видео– и аудиоаппаратуру, я решил кардинально усилить самообразование. Поступил на заочные курсы по изучению немецкого языка. Взял в библиотеке каталог «Грампластинки почтой». Для этой торговой организации выделялись лимиты, и дефицитные модные грампластинки я получал по почте. Меня часто можно было видеть идущим с почты с тяжёлым ящиком в руках.

– Что несёшь? – спрашивали.

– Консервы, прямо из Москвы.

– А что, здесь нельзя купить консервы?

– Таких нет.

Дома я осторожно вскрывал ящики и доставал оттуда грампластинки – так называемые диски-гиганты, на которых были «законсервированы» оперы, симфонии, оперетты, а также хиты эстрады. Чуть менее габаритными были ящики с пластинками уроков немецкого языка. В книжном магазине меня уважали – и вскоре у меня появились собрания сочинений, альбомы репродукций с приличным офсетом. Всё это увлекало, ослабляло психологическое напряжение от опасной работы. Без бахвальства скажу, что опасался я в первую очередь не за свою жизнь или здоровье – тревога и молитва была за людей, вверенных мне по работе. Так или иначе, но на моём большом участке сильных увечий не было. Мелкие,

незначительные травмы были не в счёт. Зато мне самому частенько доставалось. Бывали моменты, когда только случай помогал мне избежать трагического исхода.

Перефразируя пословицу «Бережёного Бог бережёт, получалось: я берёг людей, а Бог берёг меня».

Под лозунгом «Культуру – в массы!» на шахте имелся достаточно приличный для неё Дом культуры, а впрочем, типовой проект. Вот этот очаг культуры я и посетил в первую очередь.

Директором Дома культуры была маленькая чёрненькая худенькая женщина средних лет, без претензий на женскую привлекательность, но дело своё она знала, а чего не знала, того старалась не касаться. Не думаю, что Кристина Ароновна (так звали директора Дома культуры) не сразу сообразила, какое «счастье» в моём лице свалилось на её голову. Она ознакомила меня с вверенным ей объектом, с работающими кружками и кружковцами, которые по моей просьбе коротенько показали своё искусство.

– Какая же вы молодец, Кристина Ароновна! – похвалил я директора, когда мы остались одни в её кабинете. Мне и в самом деле понравилась поставленная ею работа.

Кристина Ароновна рассказала, как они провели ноябрьские праздники, познакомила с мероприятиями на оставшееся время года и на год следующий. Я, со своей стороны, предложил, не вмешиваясь в работу Дома культуры, подготовить и провести силами комсомольцев-добровольцев куль-

турные мероприятия. Я брал на себя обязательства разработать сценарии, подобрать исполнителей, определить сроки проведения этих мероприятий, после чего согласовать всё это с директором Дома культуры. Не знаю, насколько хозяйка Дома культуры вдохновилась моими предложениями и соображениями, но дала согласие и выдала как бы карт– бланш на мою деятельность в Доме культуры.

Я предполагал, что она ещё не раз проконсультируется с вышестоящими организациями, «а то как бы чего не вышло не то».

На досуге я написал два сценария. Один на ближайшее время, под названием «Осенний бал», и второй сценарий – «Новогодний бал– маскарад». Параллельно со сценарием я готовил актив исполнителей. Сделать это было нетрудно. Стоило только придумать что-нибудь необычное, весёленькое – как тут же эти исполнители находились и своей активностью заражали, привлекали к делу новых энтузиастов. Я представил оба сценария директору Дома культуры. Она, в свою очередь, не надеясь на мои способности, предложила мне типовые сценарии.

Я их быстро просмотрел и категорически отверг:

– Всё это уже в зубах навязло! Эти угловатые Деды Морозы с их пошлыми приветствиями: «Я пришёл к вам с дальних гор, чтобы видеть вас в упор…»

Кристина Ароновна после консультации со своим руководством на мой счёт получила совет: если сильно не содей-

ствовать, то и не препятствовать этому новому веянию в молодёжной политике, особенно в том, что касается проведения культурных мероприятий, – естественно, под наблюдением. До конца календарной осени оставалось чуть более двух недель, так что с проведением «Осеннего бала» нужно было поторапливаться. Этим я и обеспокоил директора.

Я успокоил Кристину Ароновну, заявив, что всю подготовку и проведение этого мероприятия я полностью беру на себя, почти не затрудняя её административно-хозяйственных работников. Потом с присущей мне добротой я попросил Кристину Ароновну, поберечь себя и взять хотя бы небольшой отпуск, так как у неё, на мой взгляд, был очень утомлённый вид.

– Работа не Алитет – в горы не уйдёт, а в нашем профилактории так вкусно и обильно кормят!

Кристина Ароновна даже вздрогнула от такой неожиданной приятной возможности.

И в самом деле в разгар нашей подготовки к «Осеннему балу» я узнал, что директор Дома культуры взяла короткий отпуск и путёвку в профилакторий.

***

Глава 6. Подготовка и проведение

Всё, что я предначертал в своём сценарии, осталось как бы там, на бумаге, в стороне от дела. Подобранные исполнители оказались лицами творческими, и я мог только удивляться, насколько они предвосхищают задуманное мной.

Начнём с афиши. Художник Дома культуры – а это была ещё довольно молодая женщина, которой я предложил свой эскиз афиши, – своим профессиональным взглядом обнаружила во мне дилетанта и на другой день предложила мне «своё видение» анонса мероприятия. Силой воли я скрыл своё восхищение при виде оного шедевра. Я попросил художницу, лицо которой вспыхнуло от удовольствия после моих похвал, сделать ещё несколько таких афиш, чтобы оповестить в них как можно большее количество желающих принять участие в «Осеннем бале». Хотя, как я понял впоследствии, нужды в этом совсем не было: все знали о грядущем празднике.

Киномеханика-радиста я попросил подготовить подборку короткометражных фильмов, желательно весёленьких.

– Съезжу в прокат, подберу, – согласился киномеханик.

– Хорошо бы ещё танцевальную музыку, посовременнее.

– Понимаю, – ухмыльнулся киномеханик-радист, – не под «Во поле берёзонька стояла» любит теперь беситься молодёжь! Всё это есть у меня: рок-н-ролл, буги-вуги, свежень-

кий твист, шейк, так что будьте спокойны: удовлетворим все вкусы!

С танцевальными и вокальными кружковцами я пошептался так, чтобы заманить нерешительных участников «Бала» к розыгрышу призов за лучший танец и исполнение песни.

– Вы, смешавшись со всеми, будете выходить и исполнять танец или песню, соблазняя других, застенчивых.

Баяниста Дома культуры я попросил подобрать аккомпанементы для конкурсов песни и танца. На что тот мне гордо ответил:

– Ещё не сочинили той музыки, которую я не смог бы исполнить даже экспромтом!

Художница Дома культуры, она же руководитель кружка «Палитра», пожаловалась мне, что истратила почти всю бумагу на оформление зала.

Я уточнил, какая ей нужна для этой цели бумага, зашёл в отдел снабжения шахты, где на мой запрос только уточнили, куда доставить.

Электрик Дома культуры с помощью ребят-активистов создал праздничное освещение. В иллюминацию входили десятки метров гирлянд – самодельных, конечно. Лампочки ребята ухитрились окрасить в разные цвета. Был организован роскошный буфет-бар. Отсутствие крепких напитков и пива компенсировалось наличием большого ассортимента вин – сухих, креплёных, игристых и шампанских.

В канун вечера, проходя мимо уборщиц, я услышал:

– Ох, и трудненько придётся нам завтра – вывозить и убирать после сегодняшнего гулянья!

В военных мемуарах я часто читал о том, как после хорошо разработанного плана, после тщательной подготовки была успешно проведена операция.

Примерно так можно было бы сказать о проведении «Осеннего бала– маскарада», особенно если учесть, что это происходило вдалеке не только от столицы, но даже от более-менее крупных городов, то есть в глубочайшей провинции. Отбросив пошлую скромность, но и не раздувая щёки от гордости, признаюсь, что подобных праздников я больше в жизни никогда и нигде не видел.

Итак. Плотную темноту раннего ноябрьского вечера «ожиданно» взорвал ярким электрическим светом Дом культуры. Грянула музыка. Это были не старорежимные гимны и марши, это была «многодецибельная», с бешеным ритмом, который обеспечивала ударная установка, западная музыка. Кто находился в зоне её восприятия, начинал энергичнее двигаться, весело улыбаться, глядя на Дом культуры: «Во дают!».

Внутренности Дома культуры стали быстро заполняться жаждущими чего– то чудесного, необычного. В вестибюле я увидел небольшую толпу людей уважительного возраста. Я подошёл к ним:

– А вы почему не раздеваетесь, не проходите?

Они немного приниженно заговорили в ответ:

– Да мы так, зашли просто – посмотреть на молодёжь. Да мы сейчас уйдём.

На них уже набросились активисты, работавшие в раздевалке, и затормошили, снимая с них шубы, пальто, шапки. Те, ошеломлённые такой атакой, не сопротивлялись. Тут я про себя улыбнулся над их хитростью: «да так, мимо проходили, случайно зашли», так как под верхней одеждой чисто случайно обнаружились нарядные платья, парадные костюмы, а запах нафталина не позволял в этом усомниться!

Когда художница на афише прибавила к «Осеннему балу» слово «маскарад», я снисходительно подумал: а пусть так, для красного словца! И в который раз ошибся!

Трое моих самых активных ребят явились в гусарских мундирах – и где только достали ментики? Ребята, правда, были достаточно габаритные и больше подходили на роль конногвардейцев. А так как они на балу обеспечивали порядок, их физическая мощь являлась весомым аргументом для этой роли. Что, если какой-нибудь малый, не надеясь на буфет, употребит принесённое с собой и начнёт грозно проявлять свою неадекватность к окружающим? Вот тогда-то перед ним и вырастала фигура гусара. Он с холодной вежливостью обращался к нарушителю порядка: «Вы, сударь, своим криком мешаете мне слушать тишину!». Тот собирался ответить, ловя ускользающую мысль, даже оглядывался, ища поддержки, а то и сочувствия у окружающих, но его взгляд

снова упирался в других гусар. Убедившись, что это у него не в глазах троится, а грозная реальность, утихомиривался. Когда его провожали до выхода, где предлагали одеться, и объявляли, что ему отказано в дальнейшем пребывании в этом заведении, он чистосердечно раскаивался и обещал вести себя культурно.

Сработал и розыгрыш призов на «лучшее исполнение».

После объявления конкурса после небольшой заминки выходил желающий исполнить танец. Он заказывал музыку, делал несколько танцевальных па, потом заявлял, что одному ему танцевать скучно, и, ходя по кругу, стал выбирать себе партнёршу. Наконец одна из них соглашалась. И они выдавали такой рок-н-ролл, что у пассивных зрителей сердце замирало, а ноги сами начинали ходить ходуном. То же самое происходило и с песнями. Выходит симпатичная девушка, заказывает себе аккомпанемент какой-нибудь модной песенки. Вскоре к ней присоединяется ещё девушка, а то и две. Так это ловко задуманное и срабатывало – вскоре уже не было отбоя от желающих танцевать или спеть.

Пользуясь паузой, кружковцы переоделись в соответствующие костюмы, что вызвало почти экстаз среди публики. И что самое интересное – в ход пошла «Во поле берёзонька стояла», да ещё как! Получился грандиозный массовый хоровод.

В это время в кинозале шёл фестиваль короткометражных фильмов с небольшими перерывами, которые делались, что-

бы зритель немного отдышался, посетил буфет и снова был готов хохотать. Залы поменьше тоже не пустовали. Там под интерес (не дети же!) с хрустом катали шары на бильярде, стучали костяшки домино и самые тихие шахматисты и шашисты вдруг взрывались, когда делали плохой ход. Все ставки почти тотчас же относились в буфет. Выигравший приглашал проигравшего: «Идём, я угощаю». На что проигравший раздражался: «Ага, добрый какой! За мои же деньги меня угощать будешь!».

Буфетчице в её очень хлопотливой работе также помогала группа активистов. Особенно восхищала посетителей буфета-бара оригинальная пара. Одетая чуть ли не под графиню девушка в белых перчатках до локтей наливала чай из огромного самовара и красиво укладывала на тарелочки всевозможные сладости. Женщины ревниво не допускали к ней своих спутников и сами делали заказы. А те шли к стойке, где работал бармен, одетый под старорежимного жуликоватого ярославца-полового. Он так ловко работал с бутылками, стаканами, рюмками – ну чистый профессионал! А он и был им, так как работал в местном ресторане.

Так буйно проходило это веселье. Разрешались подобные увеселения только до 23 часов – это максимум. Но так как официальные распорядители регламента на этом празднике не присутствовали, то народ и вовсе забыл о времени, а я, как ответственный за всё происходящее, сделал вид, что мои часы испортились и не показывают точного времени.

Только за полночь утихомирился этот «Осенний бал-маскарад», который был больше всего похож на новогодний. Люди уходили радостные, в предвкушении, что это может повториться на новогодние праздники.

Когда за последними участниками бала затворилась дверь, активистки, подоткнув подолы своих бальных платьев (это я пошутил), а мужской актив – сняв свои фраки (тут я ещё пошутил), принялись за уборку. Они это так слаженно, быстро всё сделали, что казалось, они всю жизнь только этим и занимались. Вся бутафория и бижутерия были сняты и аккуратно уложены в коробки и ящики.

Через короткое время всё было так, будто и не было никакого «Осеннего бала». Все собрались в буфете. Там тоже был порядок: на сдвинутых столах стояли не какие-нибудь кисленькие вина, а настоящие коньяк, водка и закуски, изготовленные в местном ресторане.

За время проведения этого торжества активисты бала ни разу не присели и во рту у них не было даже «маковой росинки». И не потому, что было некогда, а просто об этом никто не думал. Теперь же пили, ели, закусывали молча. Иногда что-то вспоминали, при этом их лица загорались радостными улыбками.

Надя Удовина – учительница местной школы, молодая, мощная – посетовала:

– Я бы ещё выпила стаканчик коньяку, да боюсь до дома

не дойду!

Тут вскинулся электрослесарь Серёжа – невысокий, худенький:

– Не беспокойся, Надежда Васильевна, если что – я доведу!

Все восхитились такой самоотверженностью, хотя понимали, что если подобное и случится, то всё будет как раз наоборот.

После грандиозного успеха осеннего бала ещё больший успех имел новогодний бал-маскарад, а также новомодный «Огонёк», проведённый в местном ресторане. Все эти мероприятия положительно сказались на настроении местного (и не только) населения. Не было отбоя от желающих повеселиться, даже из дальних округов. Лично меня, а также активистов, проводивших эти мероприятия, постоянно беспокоили вопросами: чего весёленького ждать впредь? Активисты даже немного возгордились своей славой, популярностью, значимостью.

***

Глава 7. И горькое, и солёное

Всё же при всём при том это был шахтёрский городок. Огромная капитальная шахта являлась градообразующей.

Как-то раз после работы меня пригласили к начальнику шахты – на совещание, как предупредила меня секретарша начальника. В большом кабинете за столом сидели несколько человек. Я всех их знал. Помимо самого начальника шахты здесь присутствовали председатель шахткома, секретарь парткома и секретарь комитета комсомола Николай Ветошкин. Меня пригласили присоединиться к этой небольшой компании. Несмотря на непринуждённость, присутствовала какая-то строгость в речах и разговорах. Мне нетрудно было догадаться, о чём пойдёт речь, поскольку это произошло в районе моего участка – не на самом участке, разумеется, а на участке капитальных работ. В забое, где работала лучшая проходческая бригада бригадира Мавлеева, произошёл несчастный случай. После отпалки включили вентилятор, и первым в забой, как было принято, вошёл сам бригадир Мавлеев. Один шпур, не взорвавшийся вместе со всеми, взорвался с опозданием, именно в тот момент…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.